

КРЕМЛЁВСКИЙ ТРИЛЛЕР

ЛЕВ
СУХАНОВ

КАК
ЕЛЬЦИН
СТАЛ
ПРЕЗИДЕНТОМ

ЗАПИСКИ ПЕРВОГО ПОМОЩНИКА

Кремлевский триллер

Лев Суханов

**Как Ельцин стал президентом.
Записки первого помощника**

«Алисторус»

2011

Суханов Л. Е.

Как Ельцин стал президентом. Записки первого помощника / Л. Е. Суханов — «Алисторус», 2011 — (Кремлевский триллер)

Лев Евгеньевич Суханов был бессменным помощником Ельцина с 1988 по 1997 год. Он являлся свидетелем опалы Б. Ельцина при М. Горбачеве, а затем его возвышения до председателя Верховного Совета РСФСР и президента Российской Федерации. В своей книге Лев Суханов рассказывает о самых острых моментах политической биографии Бориса Ельцина – об отставке с поста Первого секретаря МКК КПСС, о покушениях на него, о выборах в Верховный Совет и роли КГБ в судьбе Ельцина, о его американских покровителях, об августе 1991 года, истинной роли Б. Ельцина в событиях, связанных с ГКЧП, и т. д. Книга содержит множество подробностей из жизни Б. Ельцина и его окружения, которые были известны только автору, а также показывает закулисные стороны головокругительной карьеры первого президента России.

© Суханов Л. Е., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

В самое пекло	5
Первая аудиенция	8
«Захват» Госстроя	11
Немного политики поднимает тонус	15
Кому нужна такая реабилитация?	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лев Евгеньевич Суханов

Как Ельцин стал президентом.

Записки первого помощника

В самое пекло

Горбачев – в Крыму, Ельцин – в Казахстане. И те, кто заварил переворот, конечно же, знали о датах возвращения обоих президентов. Однако Ельцин прилетел в Москву раньше – вечером 18 августа, как раз в самое пекло. Теперь уже известно, что по сценарию путчистов Горбачеву «светила» полная изоляция в Форосе, а вот какой жребий мог выпасть на долю Ельцина – об этом наверняка знали только сами заговорщики.

Российский Президент мог стать для них непреодолимой преградой, что позже со всей очевидностью и подтвердилось. Однако все по порядку...

Воскресенье, 18 августа, отдых президентов – Назарбаева и Ельцина. После тенниса мы выехали в Талгарский район – очень живописное место недалеко от Алма-Аты. В совхозе имени Панфилова посетили конезавод, где выращивают племенных лошадей – призеров многих чемпионатов мира и Олимпийских игр. Полюбовались на многих тяжеловозов, горячих скакунов, тонконогих кобылиц. По народному обычаю, высокий гость должен дать имя молодой лошади, да так, чтобы в нем присутствовали буквы имен ее родителей. К Ельцину подвели жеребенка и назвали его родителей: Гизель и Снегопад. Буквально за считанные секунды Борис Николаевич придумал слово, в котором также присутствовали начальные буквы фамилий президентов – «Е» и «Н». Гинес – так назвал стригунка российский Президент. Затем прошли соревнования всадников, после чего символическая тройка, впряженная в карету, сделала по манежу круг почета. В ней восседали оба лидера.

В обеденный перерыв мы съездили на Медео, где услышали довольно подробный рассказ о том, как в 50-х годах строители защитили Алма-Ату от селя.

Во второй половине дня главы республик отдыхали в живописной долине – с фруктовыми деревьями, быстрой горной речкой, юртами в национальном убранстве. Возле одной из них была огорожена площадка, на которой выступали приглашенные артисты. Показали свой номер и президенты: пел и играл на домбре Назарбаев, сопровождал его на деревянных ложках Борис Николаевич.

Ельцин и на этот раз не изменил своему правилу: искупался в горной речушке. Вода была ледяная, но исключительно прозрачная, с зеленоватым отливом.

В какой-то момент Назарбаев предложил Борису Николаевичу на пару часов отложить его отъезд, и, поскольку был выходной, Ельцин согласился. Сразу же дали команду главе МВД Казахстана перенести вылет Президента России. Впоследствии в Белый дом поступила информация, что самолет Ельцина, который должен был вылететь из Алма-Аты в 16 часов, вероятнее всего, был бы сбит. И это, по расчетам заговорщиков, стало бы «хорошим» поводом для оправдания чрезвычайного положения. Вот тогда руки членов ГКЧП были бы развязаны полностью.

У меня нет документов, подтверждающих готовившееся покушение на президентский самолет, но развитие последующих событий говорит в пользу этой версии. Почему самолет Ельцина не был сбит позже – это уже из той серии необъяснимых явлений, которые так настойчиво преследовали путчистов.

К себе домой я вернулся 18 августа в 22.55. Жена была на даче, и я, посмотрев «Вести», лег спать. И хотя ушедший день был суматошным, мне ничего не снилось. Однако ранний звонок был из области фантазмагорических снов: звонил Валерий Борцов (о нем я еще расскажу) и

сказал, что, судя по всему, в стране произошел государственный переворот. Это было похлеще самого ледяного душа. И когда Валерий сказал о Лукьянове, заявившем, что-де Союзный договор в таком виде, как он был подготовлен в Ново-Огареве, подписывать нельзя, я окончательно поверил в возможность мятежа. Один из политических мотивов путча был налицо: Союзный договор «в таком виде подписывать нельзя».

Моментально собрался и поехал в Белый дом. А там, несмотря на ранний час, уже находились помощники президента и почти весь Секретариат: Илюшин, Семенченко, Корабельщиков и другие. Естественно, всех волновала судьба Ельцина – где он, что с ним? Вскоре, однако, связь с его дачей в Архангельском была налажена, и Илюшин (зав. Секретариатом Президента) вместе с машинисткой отправился туда. Собственно, первые документы за подписью Ельцина там и родились.

Поскольку моего участия в этой работе не требовалось, у меня появилось «окно». События явно набирали ураганные обороты, и неизвестно, чем все это могло кончиться. Я посчитал излишним повидаться с женой, взял служебную «разгонную» машину и отправился за город. Только мы выехали на Калужское шоссе (возле местечка Сосенки), как водитель говорит: «Смотрите, Борис Николаевич мчится!» С огромным трудом мы успели взять вправо, едва не став жертвой нашего шефа. Два правительственных ЗИЛа, в плотном окружении машин сопровождения с вооруженными людьми, пронеслись мимо нас на бешеной скорости. Эскорт мчался во всю ширину магистрали. Зрелище было тревожно-величественное...

Встреча со Светланой была мимолетной. Как могли, успокоили друг друга и, попрощавшись, я поехал в Москву. На Калужское шоссе мы выезжали вместе с танками. Они уже грохотали по Кольцевой дороге. Это было ужасное зрелище. Не прошло еще суток, как я любовался игривыми жеребятами, радовался шуму горной реки.

Мы выбрались на Минское шоссе (переходящее в Кутузовский проспект) и вместе с танками стали пробираться к центру.

Кое-как добрались до гостиницы «Украина», а дальше все движение было заблокировано, то есть весь мост (от гостиницы «Украина»), вся площадь, все улицы у здания СЭВ и гостиницы «Мир» заняты танками. Я отпустил машину, а сам – через мост – побежал к Белому дому.

Люди уже заполняли пространство у Верховного Совета России, уже слышались крики в сторону танков, кто-то плакал – картина жуткая. Я подбежал в тот момент, когда Борис Николаевич взбирался на танк. Именно с брони прозвучало первое обращение к народу, произнесенное Президентом России. Рядом с Борисом Николаевичем находился его телохранитель Саша Коржаков, вся ельцинская охрана, генерал Кобец, которого сначала не хотели пускать на танк, полагая, что это язовский генерал...

И, наверное, именно в то мгновение, когда я смотрел на Бориса Николаевича, на его напряженное лицо и ловил каждое его слово, пришло окончательное решение написать о нем книгу, если конечно, останусь жив...

Ведь я находился с ним рядом с самого начала, когда Борис Николаевич был «один в поле воин». И я, как мог, помогал ему.

Когда Ельцин шел к цели, ему здорово мешали, а значит, мешали и мне. Когда его имя предавали анафеме, она распространялась и на мое имя. Когда ему не везло – не везло и мне. Я пытаюсь рассказать о Ельцине с точки зрения человека, который волею судеб находился с ним рядом: и в моменты его падения, и во время его высочайшего взлета. Всем, разумеется, любопытно узнать – каков он в жизни, в быту, в семейных отношениях, каковы его пристрастия и слабости. Но я, наверное, сильно разочарую тех, кто надеется найти в этой книге какие-то особо пикантные моменты из жизни Президента. Хотя вся его жизнь – сплошной «пикантный» момент.

Ельцина часто упрекают в своеволии, и я должен подтвердить – порой он действительно бывает своевольным и потому непредсказуемым. Но, по моему глубокому убеждению, его свое-

волие и непредсказуемость являются неплохим защитным средством от сонма подхалимов и царедворцев, пользующихся его отзывчивостью на доброе слово и дружеский жест.

Я рассказываю только о тех событиях и встречах, участником которых был сам и о чем знаю не понаслышке... Я сознательно ставлю перед собой задачу давать обстоятельные оценки отношениям Бориса Николаевича с М.С. Горбачевым и другими современными политическими лидерами, не пытаюсь что-либо опровергать или утверждать, подчиняясь эмоциональному порыву. Хотя, честно говоря, такое желание иногда бывает очень сильным.

Первая аудиенция

По меркам застоя у меня просто безукоризненная биография. Отец 40 лет проработал на московском «Электrozаводе», мать – 20, а старший брат Игорь – кругленьких

50. В общей сложности наша семья отдала «делу пролетариата» 110 лет жизни. Я же, закончив Московский архитектурно-строительный техникум, а затем вечернее отделение Московского инженерно-строительного института, как бы автоматически оказался причисленным к категории «советская интеллигенция». В моей анкете значилось, что я, Суханов Лев Евгеньевич, – сын добропорядочных родителей-пролетариев, член партии, не еврей, ну и т. д. Плюс к этому заграничная командировка – два года работы на Кубе. Как инженер-строитель, после окончания в 1966 году института, я был направлен на Остров свободы реконструировать сахарные предприятия.

Хочу подчеркнуть, что поездка на Кубу была чистой случайностью, обусловленной нашей суровой действительностью. Когда у нас со Светланой родился сын Вадька, тут же ребром встал вопрос: как сочетать крохотные размеры нашей хрущевской квартирки – 32 кв.м. – с прибывающим семейством? Выход был один: поехать хоть к черту на кулички, лишь бы заработать денег на кооперативное жилье. Кто-то подсказал адрес: Дагестан, Строительство Чиркейской ГЭС. Вот туда я и наострился. Но в отделе кадров моего НИИ знакомый столоначальник резонно у меня полюбопытствовал: зачем, мол, ехать зарабатывать деньги на юг, если то же самое можно сделать на Западе. «Где конкретно?» – поинтересовался я, хотя от кого-то уже слышал, что готовился «десант» из специалистов нашего НИИ на Кубу. Ну да, Куба – что же еще? Остров свободы – пальмы, подводное плавание, которое меня так же влекло, как футбольное поле. (Кстати, за успехи в игре за сборную команду советской колонии на Кубе я был награжден Почетной грамотой.)

Возвращение в Москву было отмечено небольшим повышением по службе. Я стал старшим инженером, хотя на серьезный рывок в карьере тогда особенно не рассчитывал, поскольку был беспартийный. В апреле 1974 года нас, троих молодых специалистов, вызвал к себе секретарь парторганизации и сказал, что, мол, Черемушкинский райком «завалил план по интеллигенции». И поэтому в тот же вечер мы должны были проштудировать Устав партии, хотя бы перелистать программу КПСС и вызубрить наизусть несколько цитат из классиков марксизма-ленинизма.

На следующий день состоялось партбюро, и нас оптом приняли в кандидаты. И, действительно, вскоре после окончания кандидатского стажа меня повысили в должности, и я стал главным инженером проекта. Чтобы читатели лучше представляли, о чем идет речь, назову несколько объектов, на которых работал наш НИИ: КамАЗ, ВАЗ, Бхилайский металлургический завод в Индии, такой же завод в Новой Гуте в Польше и другие.

Оглядываясь назад, ловишь себя на ощущении какой-то фатальной взаимосвязи всех служебных и личных «преобразований». Как будто нарочно все делалось для того, чтобы я рано или поздно попал на работу именно в Госстрой, а там – «в руки» Ельцина. Однажды мне оттуда позвонили и сказали, что приглашают на работу – старшим экспертом. Я был, конечно, удивлен и вместе с тем польщен – как-никак Госстрой считался нашей головной организацией. И я начал работать в отделе типового проектирования. Через два года моего начальника Алексева назначают заместителем председателя Госстроя СССР. Как-то вызывает меня Алексеев к себе и без предисловия предлагает стать его помощником.

– Виталий Александрович, – говорю ему, – я ведь инженер, мое дело – проект, экспертиза...

Но в ответ на мой лепет он выдвигает, кажется, неотразимый аргумент: зарплата – 400 рублей, спецпаек, лечение в первой поликлинике Минздрава, кое-какие льготы для семьи и другие «мелочи».

Вечером дома устроили совет. Но советская действительность дамокловым мечом висела над нашей жизнью. Я был против, жена – «за». Так я стал «профессиональным» помощником.

Однако через два года в Госстрое началась новая перетряска кадров. Может, помните угрожающую ситуацию на Атоммаше, когда случились грунтовые просадки и другие конструктивные срывы? Обвинили проектировщиков, экспертов и самого председателя Госстроя Новикова, которому из-за этого пришлось уйти на пенсию. ЦК КПСС на его место назначил свердловчанина Башилова, который со своим замом Алексеевым так и не нашел «общего языка». Словом, Алексеев «слетел», а я остался без работы. Нет, меня не уволили, но и конкретного дела тоже не было. В конце концов я стал помощником у другого зампреда – Ищенко.

Когда началась перестройка, многие большие чины, стали стремительно вылетать из своих кресел. Председатель Госстроя Башилов тоже «не справился с работой» (как будто был на Земле человек, который мог справиться с архигромоздкой строительной отраслью), и его оформили рядовым министром. А на должность председателя пришел Баталин, тоже из Свердловска. Это был декабрь 1987 года.

Позади уже остались октябрьский Пленум ЦК КПСС и ноябрьский МГК, которые сокрушали Ельцина. Словом, два поезда вышли в неизвестном направлении, один из которых все же докатил до какого-то пункта, а другой еще маневрировал между тупиками, подчиняясь воле некомпетентных диспетчеров...

Однажды мы сидели всей семьей за ужином, когда по ТВ объявили о том, что Борис Ельцин, освобожденный от должности первого секретаря МГК, назначается первым заместителем председателя Госстроя СССР – министром СССР. (Такой должности в Госстрое не было и ее «придумали» специально для Ельцина.) Тут я и сказал жене: «Вот увидишь, буду работать помощником у Ельцина». Это было интуитивное, совершенно ни на чем не основанное предположение. Светлана, хотя и усомнилась в реальности такого исхода, все же предостерегла: «Ты, мол, выбрось это из головы... Если при Ищенко у тебя были выходные, то с Ельциным, будь спокоен, их у тебя не будет и на нашем огороде можешь поставить крест»... «Ладно, – говорю, – раньше времени не паникуй... Поживем – увидим».

Когда утром пришел на работу, почувствовал, как уже гудит весь Госстрой. В каждом углу шушукались: «Ельцина назначили, Ельцина назначили»... При одном только упоминании его имени многих бросало в дрожь. Как же – кандидат в члены Политбюро, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Моссовета...

Вообще ситуация сложилась нештатная: в кресло чиновника, хотя и высокопоставленного, должен сесть один из небожителей партийного Олимпа. Кто-то молча ему сочувствовал, кто-то попросту боялся. Ведь все же знали его непримиримость к номенклатурным привилегиям, к нерадивым работникам, отбывающим службу как наказание.

Что же касается меня... Пожалуй, о Борисе Николаевиче я тогда знал столько же, сколько знал о нем любой москвич. К тому времени уже говорили о его борьбе с торговой мафией, резких, независимых высказываниях в адрес партийного аппарата. Более того, в начале 1987 года Ельцин провел нашумевшую встречу с пропагандистами страны. Как рассказывал Бунич (он приезжал после этого к нам в Госстрой и поделился впечатлениями об этой встрече), собралось более 1000 человек, которые по роду своей деятельности должны были нести «заветы» партии в народ.

Встреча проходила в Доме политпросвета и продолжалась шесть часов. Наверное, это было одно из первых публичных выступлений Ельцина, когда он позволил себе говорить такое, что в то время даже не каждый диссидент мог принародно произнести. Такого у нас еще не случилось, чтобы кандидат в члены Политбюро собрал под одной крышей столько пропаган-

дистов и на пределе откровенности говорил с ними несколько часов. И Бунич подтвердил, что он никогда не слышал, чтобы человек из Политбюро так свободно и демократично общался с аудиторией.

В начале января меня вызвал к себе управляющий делами Госстроя и поставил в известность, что меня хотят рекомендовать на должность помощника Бориса Ельцина. Рекомендовать, и только, поскольку назначает сам Ельцин. Я попросил сутки на обдумывание, хотя про себя уже все решил. Вечером я провел формальные «консультации» с женой, выслушав все ее «про» и «контра». Она говорила то, что я уже знал: Ельцин привык работать до упора, он просто не может не работать по выходным. И еще, говорят, что Ельцин крутой человек, жесткий руководитель, с которым не каждый может сработаться. Я Светлане назвал плюсы, о которых знал тоже понаслышке. «Решай сам», – сказала Светлана.

Мы еще немного посидели, поговорили, обсудили возможные проблемы и пошли спать. Конечно, я долго не мог заснуть. Вроде бы все уже решил, а все равно сомнения одолевали. На следующий день я пришел к заместителю управляющего делами Н.Г. Павлову и дал официальное согласие быть помощником Ельцина.

«Захват» Госстроя

В один из январских дней к нам приехал начальник личной охраны Ельцина Ю.Ф. Кожухов. Это была своего рода разведка, так как он уже знал о моей кандидатуре. Хотел, наверное, посмотреть на будущего помощника своего шефа, поближе познакомиться. Лично мне Юрий Федорович сразу понравился: симпатичный парень, с приятным взглядом, рослый, спортивного вида. Мы с ним поздоровались, затем уселись рядышком, и он мне говорит: «Лев Евгеньевич, расскажите, пожалуйста, немного о себе». И я ему в двух словах поведал свою жизнь: «Вырос на Пресне, гонял с мальчишками в футбол, перворазрядник, закончил строительный институт, 23 года прослужил в ЦНИИ «Проектстальконструкция», которым руководил академик Мельников, и вот уже десять лет – в Госстрое. Что еще?» Он мне: «Ну, в общем, нам это уже известно... А как вы относитесь к политике?» Я пожал плечами: мол, как и все, нормально.

На этом наш разговор с начальником охраны Б.Н. Ельцина закончился. А когда он уезжал из Госстроя, я передал ему пачку писем, которые уже стали поступать на имя Бориса Николаевича. Через какое-то время Юрий Федорович снова звонит и предупреждает: «Ельцин приступает к работе в Госстрое...».

И вот утром 8 января мы с Николаем Григорьевичем Павловым «сосредоточились» в небольшой приемной будущего кабинета Бориса Николаевича Ельцина. Ждем. Поглядываем на часы и почему-то оба больше обычного говорим. Председатель Госстроя отсутствовал. В офисе пронесся слух, якобы Ельцин уже побывал у Баталина и что они еще по Свердловску друзья. Однако впоследствии Ба талин нелучшим образом проявил себя в отношении Бориса Николаевича, о чем я еще расскажу.

Представьте себе ситуацию: на улице Пушкина (на ней находился Госстрой) и примыкающей к ней улице Москвина в одно мгновение прерывается все движение, дается «зеленый свет» для правительственного кортежа. Все ближайшие подъезды и переулки взяты под контроль охраной. В самом Госстрое тоже стоит жуткий переполох – на работу прибывает кандидат в члены Политбюро. И не ктонибудь из «старцев», а сам смутьян Ельцин.

Машины подъехали к правительственному подъезду Госстроя, из ЗИЛа вышел Борис Николаевич и в сопровождении охраны поднялся на четвертый этаж. В приемную сначала вошли телохранители, за ними – Ельцин. Подтянутый, в элегантном темно-синем костюме, белоснежной сорочке и стильно подобранном галстуке. И седин тогда у него было намного меньше...

Когда меня представили, Борис Николаевич протянул руку и пристально посмотрел в глаза. Потом я не раз был свидетелем этого «рентгеновского взгляда» – его коронного, безошибочного, как он считал, метода распознавать людей. И я должен подтвердить, что ошибался он действительно редко, хотя считаю, что не каждый, допустим, стеснительный человек, способен ответить таким же открытым пронизывающим взглядом...

Павлов открыл кабинет, и высокий гость, уже на правах хозяина, вошел в него. Затем они с Павловым остались наедине и беседовали около часа. И вот, когда Павлов вышел оттуда, меня пригласил Ельцин. Три его телохранителя вместе со своим начальником остались в приемной, а я пошел на первую свою аудиенцию к Ельцину.

Захожу. Он сидит не за рабочим столом, а за тем, что слева от входа для заседаний. Еще раз пожал мне руку, еще раз пристально посмотрел в глаза и предложил сесть. Взгляд его я выдержал и, сдерживая легкое волнение, устроился напротив. Затем он открыл лежащую перед ним мою анкету и стал читать.

– Ваша анкета, – сказал он, – пожалуй, лучшая рекомендация... Вы проработали много лет в НИИ у академика Мельникова, я хорошо его знаю, это порядочный человек, крупный ученый и сильный руководитель.

Ельцин отодвинул бумаги и попросил рассказать о себе. Что я мог ему открыть нового, кроме того, что уже говорил начальнику его охраны? Коренной москвич, родился 1 июня 1935 года, «Близнец», родители всю жизнь работали на «Электрозаводе»... И вдруг он резко сменил тему разговора. Стал интересоваться – какие участки работы мне больше всего знакомы? Я ответил: «Проектирование, экспертиза, наука». Тогда он завел разговор об экономическом подразделении, но я ответил, что экономикой не занимался и что эта сфера целиком находится в ведении зампреда Бибина.

Борис Николаевич слушал так внимательно, что у меня невольно создалось впечатление, будто это какое-то наигранное, нарочитое, что ли, внимание. Потом, конечно, я разобрался: Ельцин, когда разговаривает с кем-то (причем любого ранга), всецело поглощен этим человеком. Довольно редкая черта.

После того, как мы довольно обстоятельно поговорили о производственных делах, он перешел за свой рабочий стол, а меня усадил напротив. Оглядел потолок, стены, шкафы, и в его лице что-то дрогнуло. Я почувствовал, что ему наш офис не очень уютен. Возможно, он сравнивал его с недавно покинутыми апартаментами МГК... Но недолгим было то замешательство – неожиданно он перешел к важному для меня разговору. «Знаете, Лев Евгеньевич, – сказал он, – я привык со своими помощниками быть откровенным. Иногда я им доверял такое, что не всегда доверишь собственной жене. Я сам предельно искренен со своими помощниками и поэтому вправе требовать того же и от них. Не терплю лести, – продолжал Борис Николаевич, – не люблю лицемерия и ненавижу трусость».

Я выслушал и ответил примерно в том же духе: меня, мол, ваши принципы вполне устраивают, потому что я тоже, кажется, не трус, не лицемер и, смею надеяться, честен.

И Борис Николаевич заключил наш разговор словами: «Ну, что ж, эти принципы нам близки обоим, будем работать». При разговоре у меня не возникло никаких отрицательных ощущений, но вместе с тем не было и легкости. Однако я понял главное: мы внутренне приняли друг друга.

Когда Борис Николаевич уехал (а был он в Госстрое неполный рабочий день), ко мне сбежались коллеги и стали расспрашивать. Многие из них не одобрили мой выбор, но я не стал им объяснять, что в данном случае выбираю не я...

На следующий день из спецполиклиники к нам приехали лечащий врач Ельцина, заместитель заведующего отделением, а также диетолог, отвечающий за рацион питания кандидата в члены Политбюро. Номенклатурная машина работала четко. Весьма напористо эти люди стали давать нам наставления. Проверив в столовой блюда, гости нашли их не соответствующими стандарту «олимпийской кухни» и в связи с этим сделали необходимые рекомендации. Это было странно и неожиданно.

Дальше – больше: открытым текстом заявили, что за здоровье Бориса Ельцина мы отвечаем головой. Заставили нас повесить в его кабинете аптечку с широким набором лекарств, оборудовать сигнализацией его рабочий стол и стол заседаний, чтобы в случае необходимости можно было быстро вызвать помощника или секретаря. И поскольку мой кабинет находился не рядом с кабинетом Ельцина, его тоже оборудовали прямой звонковой связью. В комнате отдыха порекомендовали поставить диванчик, на случай внезапного недомогания. Все это для нас, естественно, было непривычным и вызывало досужие разговоры.

Наконец мы приступили к работе. Я съездил в МГК и взял там образец так называемой «шахматки», с помощью которой проще осуществлять планирование. Ельцин к этому методу уже привык, и я впоследствии тоже понял преимущества «шахматки». День и неделя у него были «разбиты» вплоть до 15 минут.

Начал Борис Николаевич со знакомства с руководителями и ведущими специалистами подразделений, которые входили в его компетенцию. Беседовал с ними обстоятельно, стараясь

разобраться в тонкостях работы. Затем начались встречи с людьми. Собирали коллективы и работали по системе: вопрос – ответ.

Он тяжело входил в новые обязанности и весь январь и февраль чувствовал себя скверно. На службу являлся уже уставшим: под впечатлением случившихся с ним передрыг он потерял сон. По-настоящему еще не отошел от октябрьского Пленума ЦК и ноябрьского МГК, а впереди уже маячила новая «разборка» – февральский Пленум ЦК.

Я, как мог, отвлекал его: то дружеское письмо положу ему на стол, то соединю по телефону с каким-нибудь интересным собеседником, а то какую-нибудь любопытную тему ему «подкину». И часто он на это живо откликнулся. Все эти маленькие хитрости как-то положительно на него действовали, а общение с людьми имело для него буквально терапевтический эффект. На работу я обычно приходил на 20–30 минут раньше Бориса Николаевича. Иногда он просил принести ему чай или кофе. Просматривал прессу, которую я каждое утро оставлял на его столе. Потом он приглашал меня к себе в кабинет, и мы вместе планировали текущие дела.

В конце 1987 года (еще до прихода в Госстрой) изза непрекращающихся стрессов он попал в больницу, где его пичкали такими дозами лекарств, которые могли быть смертельными для менее устойчивого организма. Будучи в Испании, он рассказал, какие дозировки баралгина ему прописывали московские врачи, – испанские медики были поражены до крайности. . .

Ребята из его личной охраны вспомнили, в каком состоянии находился Борис Николаевич, когда его привезли на ноябрьский Пленум МГК. Он походил на абсолютно нетранспортабельного, тяжело больного человека. Так наши эскулапы с помощью лошадиных доз релаксантов ставили его «на ноги». . .

. . . После февральского Пленума (1988 г.) ЦК КПСС, когда утром он пришел на работу, на нем не было лица. Все это напоминало финал какой-то заубойной мессы, которую ему «промузицировали» коллеги по Политбюро. Да, он оставался еще членом ЦК КПСС, но уже без служебного ЗИЛа, без личной охраны. . .

В нем как будто еще жили два Ельцина: один – партийный руководитель, привыкший к власти и почестям и теряющийся, когда все это отнимают. И второй Ельцин – бунтарь, отвергающий, вернее, только начинающий отвергать правила игры, навязанные системой. И эти два Ельцина боролись, и я не возьму на себя большой грех, если скажу, что борьба была жестокой, а победа отнюдь не молниеносной. Ведь пересев из ЗИЛа в «Чайку», он не стал более свободным и независимым от номенклатурных связей. Но все дело в том, что процесс-то уже начался, и как, должно быть, он потом над собой издевался, вспоминая свою оторопь в первые мгновения пребывания за пределами партийного Олимпа, который он ненавидел, но к которому он был еще незримо прикован.

Почти весь 1988 год Ельцин находился под психологическим прессом, что, однако, не мешало ему заниматься текущими делами. Пройти «через Ельцина» какому-нибудь захудалому проекту было так же трудно, как вспять повернуть северные реки. А между прочим, этот сумасшедший проект уже обсуждался в Госстрое, как и строительство промышленных предприятий на Байкале или проблемы на просадочных грунтах Атоммаша. Ельцин был категорически против этих проектов, писал докладные, звонил знакомым министрам, связывался с самим Рыжковым. Тот, к его чести, всегда выслушивал Бориса Николаевича и обещал помочь. . . По мере того, как последствия февральского Пленума уходили в прошлое, Ельцин обретал большую уверенность. В чем это выражалось? Только в одном – полном, с головой, уходом в работу. Если перечислить все вопросы, которые за день должен был решать первый зампред, пришлось бы посвятить этому целый фолиант. Правда, много времени сгорало впустую. Одни только заседания в кабинете Баталина чего стоили, особенно помпезные коллегии. И хотя Юрий Петрович считался весьма грамотным руководителем, им безраздельно владела одна страсть – самолюбование. Это были не коллегии, а нечто напоминавшее театр одного актера, продолжающийся по 4 и более часов. Выдерживать это Борису Николаевичу

было непросто. И действительно, после каждого такого заседания Ельцин возвращался к себе с жуткой головной болью. К тому же стало известно, что Баталин получил сверху команду – собирать на Ельцина компромат. Это было несложно «расшифровать»: в глаза бросалась резкая перемена отдельных руководителей и, в первую очередь, замов Баталина. Даже мои коллеги помощники стали вдруг отводить от меня взгляды и потихоньку избегать. «Ледниковый период» отчуждения складывался из невидимых штрихов, тонких психологических нюансов и лишь изредка прорывался откровенной враждебностью. Борис Николаевич сильно переживал.

Но по мере того как шел поток писем, в которых люди выражали ему поддержку, по мере того как удавалось одержать хоть маленькую победу, зарубив какой-нибудь головотяпский проект, – настроение несколько улучшалось, и мы позволяли себе помечтать о будущем. Я уже говорил, что Борис Николаевич получал колоссальный оптимистический заряд от общения с людьми. Однажды секретарю Тане позвонил один человек из Брянска. Это был Илья Иванович Малашенко – подполковник в отставке, очень энергичный и непременно желающий лично лицезреть Бориса Николаевича. Таня соединила гостя со мной, и я, естественно, у него поинтересовался: кто, откуда и какой у него вопрос к Ельцину? Гость ответил, что он юрист и в Москву приехал только за тем, чтобы увидеть Ельцина и пожать ему руку. Я заказал пропуск и через пару минут встретил его на четвертом этаже.

Борис Николаевич, когда я ему рассказал о визитере из Брянска, согласился его принять. Беседа длилась несколько минут, в течение которых Малашенко лаконично, посолдатски четко объяснил Борису Николаевичу цель приезда и в очень сжатых выражениях изложил свое к нему отношение. А сказал он примерно следующее: «Борис Николаевич, я целиком на вашей стороне и у нас в Брянске таких, как я, много. Держитесь, мы вас не оставим в беде».

Тогда я почувствовал, что, если Ельцину не дать простора, лишит непосредственного контакта с людьми, он в своем кресле просто зачахнет. Конечно, он тоже это прекрасно понимал, тяжело переживал и ломал голову – как выйти из этого тяжелейшего ступора?

Немного политики поднимает тонус

В разговорах Ельцина все чаще стало появляться словосочетание «XIX партконференция». И, возможно, тогда, в одной из наших вечерних бесед, начала вырисовываться тактика на ближайшее будущее. А почему бы, решили мы, для начала не возобновить активные встречи с избирателями? Ведь Борис Николаевич еще был действительным депутатом Моссовета, и избрало его население микрорайона Раменки. Это 75 тысяч жителей, текстильное предприятие, завод счетных приборов и электромеханический... Тем более, в Раменках его знали: Ельцин как депутат помог там построить универсам, поликлинику, детсад с бассейном, школу, подключил Мосстрой к реализации наказа избирателей. При встрече с ними он предупредил: я свое обещание сдержу, но и вы должны провести озеленение микрорайона, благоустроить... «И давайте, – сказал он, – соревноваться – кто первый сдержит данное слово».

Мы определили день приема избирателей – по четвергам и в один из них приехали в Раменки. Борис Николаевич обошел весь микрорайон и убедился, что избиратели тоже умеют держать слово. Радовали глаз просторный стадион, обильные зеленые насаждения и свежие газоны.

Постепенно связь с избирателями переключилась на меня. Люди звонили в Госстрой, и неизбежно пришло время, когда туда стали приезжать наиболее активные. Началась предвыборная работа. Раменки стали тем небольшим плацдармом, откуда Ельцин ввязался в «упорные бои» с номенклатурой. Борьба пошла за голоса избирателей. Это во многом позволило ему выжить психологически, а главное – обрести в себя веру.

Как бы там ни было, три месяца он отработал в Госстрое и, кажется, потихонечку начал приходить в себя. Вообще, будучи человеком чрезвычайно впечатлительным, он первые удары судьбы воспринимал весьма болезненно, но зато потом, внутренне сгруппировавшись, обретал феноменальную устойчивость. А тут «подарок судьбы»: первомайское поздравление от Александра Яковлева, Анатолия Лукьянова и Николая Рыжкова. Жест малообъяснимый, если учесть обстоятельства конфликта между Ельциным и Политбюро. Возможно, это была всего лишь дань традиции номенклатурных структур – поздравлять товарищей по партии, даже если к этому времени они «вышли из игры». А возможно, аппарат без ведома своих хозяев, чисто механически, разослал поздравления, особо не вникая в их содержание, по старым спискам. Впрочем, в это почти невозможно поверить, ибо на том уровне, откуда был «спущен» Ельцин, таких промахов отродясь не бывало. Там все железно взаимосвязано и без поворота главного маховика ни один винтик не закрутится.

То, что поздравление пришло от Яковлева, – это еще как-то можно было объяснить, он всегда отличался независимостью суждений. Николай Рыжков – земляк Ельцина и при его щепетильности не послать поздравление, хоть и опальному, но высокопоставленному своему подчиненному, тоже было бы верхом некорректности. Лукьянов... Если на этого человека смотреть с сегодняшней точки зрения, то его первомайское поздравление Ельцину в 1988 году можно объяснить каким-либо скрытым подтекстом. Может быть, этот жест направлялся против главного патрона – Горбачева? Ему в пику или в надежде, что в грядущих «дворцовых играх» Ельцин еще может пригодиться как сильный оппонент Генсека? Что ж, для опытного законника, каковым, безусловно, являлся Лукьянов, формула «разделяй и властвуй» имела, очевидно, какой-то практический смысл. А может быть, все было совсем не так. Хотя Горбачев лично не поздравил своего товарища по перестройке, тем не менее какие-то отношения с опальным министром у него сохранились. (Поговаривали, что после октябрьского Пленума (1987), когда все члены ЦК уже разошлись, а за столом остался сидеть один Ельцин (находящийся на грани гипертонического криза), именно Горбачев подошел к нему и, подав руку,

помог поверженному подняться и выйти из помещения. Символично, не правда ли: придет время, и Ельцин подаст руку Горбачеву...)

И надо сказать, что этот знак внимания со стороны бывших коллег, чем бы это ни мотивировалось, пришлось кстати, хотя и вызвал у Б.Н. Ельцина двойственное чувство. Тогда же он получил приглашение участвовать в первомайской демонстрации, но не на трибуне Мавзолея, а внизу, где обычно группируются чиновники рангом ниже. И Борис Николаевич был на празднике вместе с Наиной Иосифовной – среди многочисленных министров, председателей бесчисленных комитетов, начальников главков, секретарей райкомов Москвы, областных комитетов и т. д.

Порой мне кажется, что еще тогда, в самом начале конфликта с Ельциным, Горбачев доверился своей фантастической интуиции и не предпринимал против Бориса Николаевича «хирургических» мер. Конечно, представить Михаила Сергеевича в роли фаталиста чрезвычайно трудно, но создавалось впечатление, что Ельцин ему зачем-то был нужен. Сначала Горбачев назначает его министром, хотя вполне мог бы «сослать» в какую-нибудь тьмутаракань послом без всяких шансов на политическое выживание. Затем, после выборов в ВС СССР, Горбачев создает специально для Ельцина Комитет по делам архитектуры и строительства. И все это делается при огромном нетерпеливом стремлении окружения Горбачева расправиться со строптивым свердловчанином. Да, Ельцин уже стал популярен в народе, его звезда понемногу поднималась над политическим горизонтом... И все равно у Горбачева было гораздо больше возможностей избавиться от Ельцина, чем у Ельцина выстоять в той ситуации.

Я снова возвращаюсь к фантастической интуиции Михаила Сергеевича: кажется, он терпел неудобного Ельцина лишь для того, чтобы в один прекрасный день и час тот подал ему руку и вытащил из ямы...

Кому нужна такая реабилитация?

Борис Николаевич прекрасно понимал силу своего личного воздействия на людей, понимал также и психологию россиян – за одного битого двух небитых дают, – понимал, что дело идет к более или менее демократическим выборам. Поэтому и мы, его окружение, осознавали, что ему просто необходим выход к широкой аудитории.

Пресса и телевидение молчали, а куца информация о нем, уходящая на Запад, была практически недоступна большинству советских людей. Очевидно, по этой причине Борис Николаевич большие надежды связывал с предстоящей партконференцией. И ставил задачу-максимум: выступить на ней и изложить то, что думает о положении в стране, в партии, а главное – воспользоваться трансляцией конференции по телевидению и донести свои взгляды до широких слоев населения. Более того, он считал, что конференция может стать стартером в его «гоночной» политической машине.

Казалось, что у него не должно быть никаких проблем с мандатом делегата конференции: он продолжал оставаться членом ЦК КПСС и по статусу мог свободно принимать в ней участие с правом совещательного голоса. Но нет, пришлось пройти сквозь сито выборов, и те, кто организовал конференцию, сделали все возможное, чтобы Ельцин не очень-то оболящался своим членством в ЦК.

Сначала его хотели выдвинуть свердловчане, но манипуляторы от аппарата дело повернули так, что он стал делегатом от... Карелии. Тут была небольшая, но существенная интрижка: свердловская делегация должна была находиться в зале в первых рядах, откуда рукой подать до трибуны. Делегацию же Карелии планировали «поднять» на балкон – своего рода Камчатку, прорваться с которой к трибуне было почти нереальным делом. И тем не менее Борис Николаевич принял предложение Карелии и был занесен в список делегатов от нее. Не согласись он на это – прощай, конференция, и те надежды, которые он с ней связывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.